

ПРОГУЛКА ПОД ТЕНЬЮ ВЕКОВ

...Когда устаю от забот и срочных дел, люблю побродить по старому Тбилиси. Просто так. Ни о чем не думая и думая обо всем.

Оставив за спиной суету и оживление проспекта Руставели и площади Ленина, спускаюсь по улице Бараташвили к Куре и останавливаюсь возле древних ворот, обозначенных останками крепостной стены. Тут в старину был въезд в город, основанный грузинским царем Вахтангом Горгасали. Как повествует легенда, однажды во время охоты, заблудившись в непроходимом лесу, он вслухнул фазана. Птица взмыла в небо, но, пораженная царской стрелой, упала в горячий источник. И... исцелилась. Подоспевшей свите владыка объявил о своем решении перенести сюда царскую резиденцию, которая в то время находилась в древней столице Грузии — Мцхета. Шел 458 год.

Так был рожден Тбилиси («тбили» по-грузински — «теплый»).

Он был неповторим, старый Тбилиси. Он и остался таким. Как-то я спросил Ш. Кавлашвили, главного архитектора города, с чего началась реконструкция исторической части.

— С идеи, — ответил он. — Проекты сделали по собственной инициативе. Идея не погибла. Решением руководящих органов республики историческое ядро Тбилиси было взято под охрану государства. Начали реставрировать древнюю городскую стену вместе с восседающими на ней зданиями. Сейчас даже скептики понимают, насколько перспективным было начатое дело. Многие наши противники воочию убедились, сколь богаты архитектурные, композиционные возможности скрыты в исторической застройке.

Я прохожу крепостные ворота, откуда когда-то мощная каменная стена поднималась по склону горы и венчалась неприступной цитаделью Нарикала, и попадаю в атмосферу уюта и спокойного течения времени. Узкие улочки, вымощенные брусчаткой, ведут меня, обещая открыть неведомую тайну, а ажурные балкончики и старинные вывески нащепывают легенды давно минувших дней.

Улица Серебряная, Красильная, Винный подъем... Приветливо распахнул двери старинный особняк. Это Театр марионеток. Руководит им Резо Габриадзе.

Наверное, по утрам он наблюдает за восходом солнца. Вот ярко-красный диск пугливо выглядывает из-за горы, будто боится встревожить раньше времени пробуждающийся город. Вот он, осмелев, поднимается выше, посылая теплые лучи домам, улицам, прохожим. И будто не солнце это, а долгожданный сказочник, что приходит рассказать новую сказку о дне, что предстоит прожить. Он внимательно слушает его.

Почему весной человек грустит об осени? Почему осенью ему так необходима весна?

Тишина в театре. Он садится в пустом уютном, маленьком, почти игрушечном зале и смотрит на пустую, маленькую, почти игрушечную сцену. Молчит. Думает. И слышит вдруг приглушенные нарастающие звуки шарманки. И голоса,

смех, звон колокольчика... Вспыхивают софиты, поднимается занавес и из-за кулис выходят тряпичные, деревянные, пластмассовые актеры. Кто это? Виолетта? Почему печаль в твоём лице? А это ты, Альфредо? Открыл ли ты свою звезду, успел ли?

Из-за кулис выходят актеры — благородные чудаковатые рыцари и наивные плуты, озорные мечтатели и лукавые романтики. Сияют что-то сказать, но у них ничего не получается. Тогда он берет чистый лист бумаги и пишет.

Он пишет, Резо Габриадзе, не успевая за мыслью. Он не выдумывает. Разве можно назвать вымыслом то, что так легко узнаваемо? Разве узнаваемо все то, что происходит в его сценариях к фильмам «Не горюй!», или «Чудаки», или «Мимино»?

Но это было давно, и он уже не помнит, с ним это было или не с ним. Он выводит на белом листе бумаги — «Осень нашей весны». Как несколько лет тому назад написал «Альфред и Виолетта», превратив даму с камелиями Александра Дюма-сына в обыкновенную девушку из дворовой команды безобидных тифлиских бездельников, рассуждающих о Буратино, Достоевском и Фрейде.

Он пишет... О злоключении неведомого трогательного существа по имени Боря, об одинокой женщине, познавшей горечь утраты, о том, что было когда-то с ним и не с ним.

Каждый вечер он ждет гостей. Их много, желающих прийти к нему в гости. Но что делать, так мало мест и не хватает на всех.

Он пишет. А потом берет карандаш и рисует своих героев. Рвет рисунок и рисует снова. А потом снова пишет.

Не хочу ему мешать и тихо ухожу, чтобы прийти опять, уже на премьеру.

Я иду по улочкам старого города и здороваюсь с каждым домом, как с добрым знакомым. Знаю, стоит свернуть в первую же попавшуюся арку и я попаду в типичный тбилисский двор. На его пяточке непременно застану играющих в нарды пенсионеров, окруженных любопытной детворой, а вокруг амфитеатром будут подниматься вверх этажи домашних очагов — с общими резными верандами, крутыми винтообразными лесенками.

Удивительную атмосферу гостеприимства и радушия таких дворов я особенно почувствовал после встречи с певцом, актером и режиссером Вахтангом Кикабидзе, его рассказа: «Отец мой погиб в 1942 году. На фронте. У него было плохое зрение. И он мог не идти на войну. Но он пошел... В наш дом можно было попасть с подъезда. Отец всегда ходил через двор. Его встречала шумная орава детей. Среди них были грузины и русские, армяне и курды, греки и азербайджанцы. Многонациональным был наш двор. И все жили одной общей семьей. У отца в кармане всегда оказывался кулек с конфетами. Он раздавал их нам. Всем поровну. Но он ушел, и с ним вместе ушли из нашего детства мужчины. Многие из них для того, чтобы не вернуться никогда. Мы ждали их, стремительно взрослея. И была у нас общая боль, когда кто-то получал

похоронку. И была общая радость, когда кто-то возвращался... В теплые тбилисские вечера на веранде собирались соседи. Меня укладывали спать, а я тихоно пробирался в компанию, залезал под стол и слушал. Соседи перебарывались новостями, что накопились за день, рассказывали друг другу невероятные истории, а потом кто-то неуверенно затягивал песню. Ее подхватывали остальные. И мне хотелось плакать и смеяться».

...Я на площади Рике (площадью Братства назвали ее люди). Этот уголок именуют по старинке Пески. Раньше площади тут не было. Возвышались на берегу Куры вековые постройки и жили в них слесари, ремесленники и мастера, торговцы, народные умельцы. Однажды река вышла из берегов, многие остались без крова. На помощь пострадавшим пришел весь город, посланцы братских республик. Они построили в новом районе Тбилиси — Глдани высотные жилые здания, украсили их национальным орнаментом. Всем были хороши эти квартиры, и соседи оставались те же, да только трудно было переселенцам подавить в себе тоску по родным Пескам. И какова же была радость, когда они узнали, что именно здесь решено ежегодно проводить традиционный народный праздник «Тбилисоба».

...Я иду вдоль Куры, а на той стороне реки поднимается Мтацминда. Там, в пантеоне, захоронены те, кто отдал себя служению народу — Николоз Бараташвили, Илья Чавчавадзе, Галактион Табидзе... Там, в полумгле голубого грота, обхватив руками крест надгробия, застыла женщина. И надпись на боковой плите: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя!» Это могила Грибоедова. А женщина — Нина Чавчавадзе.

Ниже по течению Куры, на ее левом берегу вырос Дворец торжеств. Этот сказочный замок, одетый в экарский камень, подобно мечте взметнулся вверх над знаменитыми Ортачалскими садами, где когда-то бродил Пиросмани, вынашивая замыслы своих удивительных полотен. Возле его полукруглых стен, спирально восходящих к стеле с курантами в форме виноградной лозы, — шумно и оживленно. Свадьба! Молодые проходят массивными дверями. Чеканкой, национальным орнаментом, художественными панно оформлены десять ритуальных залов. Причудливы и замысловаты узоры окон с витражами. По-

рог Дворца торжеств тбилисцы переступают в самые знаменательные мгновения своей жизни — бракосочетаний, «золотых» и «серебряных» свадеб, вручения паспортов и дипломов, именования. Здесь работают клубы молодой семьи, знакомств, увлечения, дискотеки, бары, магазины. Таким образом храм торжественных ритуалов архитекторы В. Джорбенадзе, Э. Мкервалишвили, В. Орбеладзе, конструктор Г. Пицхеллаури, инженер Р. Гаччиладзе.

Направляюсь к Банному кварталу. Его достопримечательность — баня царя Ираклия с пятнадцатью куполами, выстроенная в XVII веке и тщательно отреставрированная. Рядом сняет цветной мозаикой фасад Орбелиановской (голубой) бани, которой так восхищался Пушкин и Грибоедов, а Алексей Толстой. Самаркандские специалисты помогли украсить ее восточными узорами.

Здесь, в Абанотубани, прямо под открытым небом, каждое воскресенье проходит выставка-продажа произведений молодых художников. Старый квартал словно кутается в многоцветье красок. На выставке широкий выбор. И монументальные полотна, и миниатюры, и графика. Хотите получить свой моментальный портрет? Нет ничего проще. Любый художник раскроет мольберт и выполнит все в лучшем виде.

А это кто? Старожил квартала — дворник Мураз Аджамов. Пятьдесят лет он подметает улицы убана и тоже считает себя творцом прекрасного.

Он говорит: «Сердце радуется — сколько людей вокруг. Ожил мой квартал. Что еще надо! Смотрю на людей, на детишек, на картины смотрю — хорошо! Приходите еще, доставьте старику удовольствие...»

Не перестала биться жизнь в обновленных артериях прошлого.

Часть Набережной восстанавливал молодой строитель Гела Шихашвили со своей бригадой. Сейчас он на Украине строит город братства — Славутич. Когда Набережная была сдана, Гела провоз по ней супругу Эку и сынишку Лашу — пусть порадуются вместе с ним.

Мне он сказал: «Вот бы в каждом городе так заботились о старине».

Время не властно над памятью городов, если в них живут неравнодушные к прошлому люди...

Н. КВИЖИНАДЗЕ.
(Наш соб. корр.)
ТБИЛИСИ.

Фото В. АТАБЕКОВА.

